

УДК 342.7

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ,
ПОЗИТИВАЦИИ И ЗАЩИТЫ. К 75-ЛЕТИЮ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)**

© 2024 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2024 г.

Аннотация. 18 октября 2023 г. в Институте государства и права РАН состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Права человека: проблемы концептуализации, позитивации и защиты. К 75-летию Всеобщей декларации прав человека». В ее работе приняли участие представители ведущих российских научных и учебных учреждений, а также исследователи из Беларуси и Узбекистана. На конференции было подчеркнуто непреходящее значение Всеобщей декларации для утверждения международных стандартов обеспечения прав человека. Участники научного мероприятия обсудили широкий круг проблем, связанных с развитием доктрины прав человека и практики их защиты в современных условиях, характеризующихся усложнением международных отношений, диверсификацией социального неравенства и внедрением новых технологий.

Ключевые слова: права человека, Всеобщая декларация прав человека, коллективные права, традиционные ценности, искусственный интеллект, цифровизация.

Цитирование: Варламова Н.В., Васильева Т.А. Права человека: проблемы концептуализации, позитивации и защиты. К 75-летию Всеобщей декларации прав человека (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2024. № 4. С. 197–210.

DOI: 10.31857/S1026945224040196

**HUMAN RIGHTS: PROBLEMS OF CONCEPTUALIZATION,
POSITIVIZATION AND PROTECTION. ON THE 75th ANNIVERSARY
OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS
(ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION)**

© 2024 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 31.01.2024

Abstract. On October 18, 2023 the Institute of State and Law of the RAS hosted the All-Russian Scientific Conference with international participation “Human rights: problems of conceptualization, positivization and protection. On the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights”. It was attended by representatives of leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus and Uzbekistan. The Conference emphasized the continuing importance of the Universal Declaration for the establishment of international human rights standards. The participants of the scientific event discussed a wide range of problems related to the development of the doctrine of human rights and the practice of their protection in modern conditions characterized by the increasing complexity of international relations, the diversification of social inequalities and the introduction of new technologies.

Key words: human rights, Universal Declaration of Human Rights, collective rights, traditional values, artificial intelligence, digitalization.

For citation: Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A. (2024). Human rights: problems of conceptualization, positivization and protection. On the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights (The All-Russian Scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 197–210.

Пленарное заседание конференции открыл **директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков**. Он отметил, что большинство прав человека, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека¹, например право на жизнь и право на свободу, сохраняют свою актуальность и сегодня. Вместе с тем многие положения Декларации нуждаются в уточнении и развитии с учетом новых социальных реалий и изменившейся геополитической обстановки.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась **Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. Т.Н. Москалькова**. Она подчеркнула, что Всеобщая декларация прав человека, являясь историческим документом, была и остается ключевым ориентиром для всего международного сообщества, объединяет государства в их стремлении обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод, присущих каждому человеку. Всеобщая декларация подвела итог длительной борьбы человечества против угнетения и несправедливости, за уважение человеческого достоинства, положила начало разработке основных международных стандартов в области прав человека, обеспечила дальнейшее расширение каталога прав и их реализацию всеми имеющимися у мирового сообщества средствами. Поэтому так важно сохранить авторитет Декларации, подтвердить приверженность ее духу и букве. Права и свободы человека – не застывшая категория. Новые возможности, потребности и угрозы, возникающие в современном мире, требуют доктринального переосмысления системы прав человека и механизмов их обеспечения и защиты, а также разработки необходимых для этого международных стандартов.

Заместитель руководителя аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – начальник Управления судебной защиты, д-р юрид. наук, проф. У.А. Омарова акцентировала внимание на том, что в основе Всеобщей декларации прав человека лежат идеи свободы, равенства, гуманизма и справедливости. В современных условиях выстраивания новой системы международных отношений и безопасности актуальность и значимость Всеобщей декларации прав человека чрезвычайно возрастает. Она остается основным международным документом, приверженность принципам которого будет способствовать усилению

механизмов, призванных обеспечить защиту прав человека. Необходимо неукоснительно следовать имплементированным в российское законодательство международным нормам и принципам в области прав и свобод человека.

Конституция РФ закрепляет практически весь комплекс прав и свобод человека, содержащихся во Всеобщей декларации. В России создана своя достаточно развитая национальная система защиты прав человека, которая позволяет обеспечивать уважение государством конституционных прав и свобод человека, исполнение взятых на себя социальных обязательств. Особое место среди государственных правозащитных структур занимает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, являющийся гарантом государственного признания, соблюдения и защиты прав и свобод граждан, их уважения органами государственной власти и должностными лицами.

Важнейшее направление деятельности Уполномоченного – рассмотрение обращений граждан о нарушении их прав. За последние три года (2021–2023) им было рассмотрено около 200 тыс. жалоб. Только в 2022 г. положительно разрешены 4726 обращений, восстановлены права и оказано содействие в реализации прав более чем 255 тыс. граждан, в том числе адресную помощь получили 13 715 человек. В органы государственной власти направлено более 300 обращений по вопросам совершенствования законодательства о правах человека; предложения Уполномоченного учтены в более чем 40 федеральных законах. Реализовано свыше 220 мероприятий в области правового просвещения. Заключено более 30 соглашений о сотрудничестве с зарубежными омбудсменами, в рамках которых осуществляются обмен опытом и правовая поддержка соотечественников за рубежом.

По мнению **д-ра юрид. наук, проф. В.А. Карташкина (ИГП РАН)**, Всеобщую декларацию прав человека справедливо рассматривают в качестве основы развития международного права; она провозглашает вечные ценности и является добротным фундаментом правового развития современного мира. В результате обычной и договорной практики принципы и нормы Декларации стали обязательными для всех государств. На ее основе были приняты два Пакта², семь конвенций по правам человека, создан их контрольный механизм. Под влиянием Декларации изменились многие принципы и нормы международного права.

¹ Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. (см.: Организация Объединенных Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 29.01.2024)).

² См.: Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах от 16.12.1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

Следует отметить, что развитие международного права идет нелинейно, периоды подъема сменяются спадом. Сейчас наступил период резкого обострения международных отношений, международное право переживает глубокий кризис. Данный кризис отражается и на отношении к Всеобщей декларации: ослабло ее значение как регулятора прав человека, многие ее положения бездействуют, происходят их массовые и масштабные нарушения. Кризис затронул и Организацию Объединенных Наций. Некоторые государства говорят о необходимости выхода из ООН и ее специализированных учреждений. Многие государства стали выходить из отдельных международных соглашений.

Однако нельзя торопиться с выходом из международных организаций и международных соглашений, не говоря уже о коренном реформировании ООН или даже выходе нашей страны из ее специализированных учреждений. Современное международное право создавалось при активном участии СССР и России, и в целом оно отражает наши интересы. Именно Советский Союз, а также США заложили основу Устава ООН³ и многих его положений, в частности принцип вето.

Важно учитывать, что сейчас мир становится все более многополярным, и в этом мире России сложнее будет отстаивать свои интересы. Представляется, что нашей стране целесообразно направить политические, дипломатические и иные усилия на укрепление международного права, стремиться к развитию отношений со всеми государствами, а не изолироваться от остального мира.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ) подчеркивалось, что в разработке текста Всеобщей декларации принимали участие эксперты из 18 стран пяти континентов, включая СССР (который представлял В.М. Корецкий), поэтому содержащиеся в ней положения предполагали последующую адаптацию к национальным условиям. Докладчик напомнил, что еще в 1988 г. в ходе мероприятий, посвященных 40-летию Всеобщей декларации (впервые официально отмечаемому в нашей стране), группой сотрудников Института государства и права АН СССР во главе с Е.А. Лукашевой был разработан текст советского варианта Декларации прав и свобод человека, который был принят последним Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-1⁴ и лег в основу Декларации прав и свобод человека и гражданина, утвержденной Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. № 1920-1⁵. Благодаря инициативе ученых Института государства и права РАН, которые активно участвовали в работе Конституционного совещания 1993 г. и в разработке текста Конституции РФ 1993 г., многие положения Декларации были положены в основу ее первой и второй глав.

Анализ современных конституций, проведенный в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, показал, что более чем в ста конституциях многие положения Всеобщей декларации воспроизведены практически буквально, в остальных близко к ее тексту, но одновременно большинство конституций содержат положения, отражающие культурные, религиозные традиции той или иной страны. Конституция РФ

не является исключением. Ряд ее предписаний очевидно преследуют цель недопущения практик недавнего прошлого: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ч. 2 ст. 13); «Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» (ч. 1 ст. 26); «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» (ч. 5 ст. 29) и т.п. Положение ч. 3 ст. 38 (кстати, воспроизведенное в конституциях ряда постсоветских стран) — «Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» — воспринимается у нас как моральный императив, возведенный в ранг конституционного требования, а многим европейцам кажется весьма спорным. Все эти примеры со всей очевидностью подтверждают диалектику универсального и национального в современной доктрине прав человека.

Сейчас много говорят о необходимости пересмотра Всеобщей декларации прав человека, которая является неисполнимой в связи с абстрактностью ее положений и не соответствует реалиям цифровой эпохи. Декларация — это Библия прав человека, задача новых поколений давать ей актуальное толкование, разрабатывать адаптированные к национальным условиям механизмы имплементации ее положений, но текст Декларации давайте оставим неприкосновенным.

Всеобщая декларация прав человека, как отметил д-р юрид. наук, проф. Д.И. Дедов (МГУ им. М.В. Ломоносова), была принята Генеральной Ассамблеей ООН в целях недопущения повторения ужасов Второй мировой войны. Признание концепции прав человека на международном уровне предполагало создание механизмов защиты от нацизма и тоталитаризма. Однако со временем реализация концепции через региональные правовые механизмы в Европе, Латинской Америке и Африке продемонстрировала новые возможности и новые вызовы для государств. Защита основных прав и свобод человека на деле означает ограничение власти государства как во внутренних, так и во внешних делах. Государства теперь не могут действовать произвольно или исключительно в своих собственных интересах (*opinion necessitatis*). Органы власти должны искать баланс публичных и частных интересов, учитывать требования верховенства права, соразмерности принимаемых мер и даже исполнять позитивные обязательства для обеспечения прав своих граждан.

Декларация предполагала, что человек должен быть признан субъектом международного права, однако это признание затянулось на 76 лет, и вне обязательного механизма защиты основных прав государства по-прежнему обладают иммунитетом даже в случае нарушения норм международного права *jus cogens*. Хотя, согласно Декларации «необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона» (преамбула), концепция прав человека до сих пор остается феноменом права, во многом изолированным от традиционных правовых систем и правовых доктрин, что затрудняет ее применение на практике.

Провозглашенный в Декларации запрет дискриминации по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения (ст. 2) оказался хрупким. Выяснилось, что он может быть преодолен институциональным способом, например, на основе принципа светского государства. Данный принцип означает невмешательство или равную поддержку всех религиозных конфессий,

³ Подписан 26.06.1945 г. в Сан-Франциско по завершении Конференции ООН по международной организации, вступил в силу 24.10.1945 г. (см.: Организация Объединенных Наций // <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 29.01.2024)).

⁴ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37, ст. 1083.

⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

но используется для обоснования ограничений свободы исповедовать религию, отправлять религиозные культы и соблюдать религиозные традиции. Это подрывает универсальный характер прав человека и умаляет значение принципа недискриминации.

Юридическая сила Всеобщей декларации прав человека, указал **канд. юрид. наук, доц. М.В. Антонов (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)**, производна от двух базовых источников международного права: обычая (обычное и поэтому общепринятое поведение государств и иных субъектов международного права) и доктрины (труды ведущих правоведов, отражающие общие убеждения правового сообщества). Сегодня нередко говорят об ослаблении основанных на Декларации институтов защиты прав человека, о необходимости замены этих институтов и самой Декларации новыми инструментами. Вместе с тем проблематика эффективности институтов защиты прав человека должна рассматриваться в контексте действенности базовых источников международного права — обычая и доктрины. Этот ракурс анализа вскрывает трудности, с которыми в настоящее время сталкивается международно-правовая система защиты прав человека и все международное право в целом. Претензии западных стран на гегемонию уже выглядят небудительно, а остальной мир фрагментируется, чтобы построить новые противовесы и ввести поведение субъектов международного права в обновленные рамки общности и общепринятости.

Казалось бы, такой ход событий подтверждает диагноз «смерти» международного права и входящей в него международной системы защиты прав человека и необходимости замены действующих инструментов на новые. Но, с одной стороны, при слабости нормативных основ международного права (обычая и доктрины) успех такого предприятия отнюдь не гарантирован. С другой — слухи о кончине международного права явно преувеличены. До настоящего времени продолжают свою работу ООН и иные международно-правовые институты, созданные в послевоенное время, сохраняют свою юридическую силу множество международно-правовых договоров и конвенций. Да, есть проблемы с их интерпретацией и имплементацией, но это не означает юридического отмирания действующих механизмов, скорее указывает на необходимость прикладывать все больше усилий для преодоления проблем их функционирования. Подавляющее большинство государств не отрицает заложенные во Всеобщей декларации принципы, которые послужили основой для разработки многих международных договоров в сфере защиты прав человека, в том числе и двух Пактов 1966 г. Те концептуальные представления, которые выражены в Декларации (недопустимость повторения преступлений нацистского режима, произвольного лишения и ограничения правосубъектности, неравенства людей по расовому и иным признакам), отражали в то время *communis opinio* международного сообщества. Не следует забывать, что именно СССР — правопродшественник Российской Федерации — стоял во главе борьбы с нацизмом и расовой дискриминацией (институтами сегрегации и расового неравенства в США, ЮАР и других странах) в послевоенном мире. Базовые положения доктрины прав человека, нашедшие свое воплощение во Всеобщей декларации, и сегодня сохраняют свое значение. На этой основе и следует укреплять и развивать современную систему международного права.

О вкладе ученых Института государства и права РАН в развитие отечественной доктрины прав человека рассказала **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотова (ИГП РАН)**.

В 1970-х годах была признана применимость концепции прав человека к социалистической правовой системе. В Институте государства и права АН СССР начались активные исследования принципов взаимодействия государства и гражданина, правового статуса личности (Е.А. Лукашева, В.А. Туманов, Г.В. Мальцев, В.М. Чхиквадзе, Н.В. Витрук, В.А. Патюлин), что привело к формированию социалистической концепции прав человека. Большое значение для признания универсального характера прав человека имело обоснование необходимости отказа от исключительно легистского подхода к пониманию права в ходе развернувшейся в Институте на рубеже 70–80-х годов дискуссии о понимании и различении права и закона (В.С. Нерсисянц, Л.С. Мамут, В.Г. Графский, Р.З. Лившиц). На базе этих научных достижений в период перестройки в Институте были разработаны первые отечественные декларации прав человека. Особо был отмечен вклад исследователей Института в развитие цивилизационного подхода к праву, на основе которого возможно признание многообразия способов реализации универсальных стандартов прав человека с учетом ценности уникального российского опыта (Е.А. Лукашева, А.И. Ковлер, Л.Р. Сюкияйнен, М.А. Супатаев).

Конференция продолжила работу в рамках *трех секций*. На *первой секции «Права человека в социальном измерении»* обсуждались вопросы обеспечения конкретных прав человека и обоснования их необходимых ограничений.

Теоретические и практические аспекты трактовки прав человека с точки зрения различных типов правопонимания были предметом рассмотрения в докладе **канд. юрид. наук М.С. Пермиловского (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова)** и **М.Г. Виловой (Арбитражный суд Архангельской области)**. Юснатурализм позволяет оценивать содержание прав человека сквозь призму понятий «равенство», «свобода», «справедливость», «ценность», «совесть», что, в частности, следует из Всеобщей декларации прав человека. С одной стороны, это способствует человекоориентированности права, но, с другой — в правоприменительной практике создает риски субъективности, небеспристрастности, коррупциигенности. Нормативизм требует четкости и предсказуемости регулирования, но при этом допускается «механическая» правореализация, что в условиях лаконичности формулировок норм права или их несогласованности может привести к тому, что правовое регулирование не будет в полной мере ориентировано на обеспечение прав человека. Указанные типы правопонимания обуславливают два подхода к истолкованию прав человека — расширительный (эволюционный, телеологический, ценностный) и буквальный (когда для разрешения спора необходима лишь система непротиворечивых норм права, а не поиск их ценностных смыслов). Первый подход применяется в практике конституционного контроля. Второй — приемлем для судов общей и специальной юрисдикции при условии совершенства нормативной базы. Однако он в полной мере не применим при наличии скрытых противоречий отраслевых норм права конституции, которые обнаруживаются в процессе реализации прав человека. Данные противоречия, исходя из высшей ценности прав человека, должны устанавливаться и преодолеваться при помощи присущего юснатурализму ценностного толкования конституционных и иных норм права и поиска баланса затрагиваемых интересов.

По мнению **канд. юрид. наук, доц. И.Ф. Мачина (МГУ им. М.В. Ломоносова)**, о правах человека в настоящее время следует говорить только с учетом его включенности в биосферу. Принято различать теоцентристскую и антропоцентристскую картины мира. Но сегодня ни одна

из них не позволяет решить глобальную проблему современности — сохранение биоразнообразия на планете Земля. Представляется, что эта проблема может быть решена только в рамках космоцентристской (или биоцентристской) картины мира. Начиная со второй половины XX в. такого видения мира начинают придерживаться все больше философов и юристов. И уже можно говорить об определенной философской и юридической традиции, у истоков которой, как представляется, стоят Протагор и Ульпиан.

В 1990 г. во Франции была опубликована работа М. Серра «Договор с природой»⁶, в которой автор обосновывает, что права человека как представителя рода живых существ следует рассматривать лишь как права гостей на планете Земля. В 1992 г. вышла книга другого французского философа Л. Ферри «Новый экологический порядок», второе название которой — «Дерево, животное, человек»⁷, говорит само за себя. Но наиболее знаковой работой по этой теме является опубликованный в 2015 г. в США совместный труд американского физика австрийского происхождения Ф. Капра и итальянского юриста У. Маттеи «Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом»⁸, где авторы рассуждают о расширении круга субъектов права: «Исследователи в США и за рубежом трудятся, не покладая рук, чтобы разработать формы общего доверительного владения для будущих поколений, наделить деревья правосубъектностью или даже обеспечить будущим поколениям адвоката либо какой-то аналогичный институциональный инструмент для защиты общедоступных благ, которые исключаются из рыночной логики»⁹. Они вводят понятие «экоправа, основанного на соучастии»¹⁰ и ставят задачу создания правовой системы, находящейся «в гармонии с природой и обществом», что отражает второе название книги. Заметим также, что в 1990 г. в немецкое Гражданское уложение были внесены изменения, исключившие домашних животных из понятия вещей, на которые распространяется право собственности. В § 90a было сформулировано лаконичное, но весьма знаковое положение: «Животные не являются вещами»¹¹. Это можно трактовать как признание за домашними животными правосубъектности.

Представляется, что права человека следует формулировать, исходя из «партнерских взаимоотношений» с природой. Об этом еще в 1983 г. писал немецкий философ права К. Кюль, справедливо полагая, что любое разрушение природы автоматически отражается на физическом, социальном и правовом существовании человека, так как природа содержит элементарные предпосылки человеческой жизни, а значит, и условия реализации человеческой свободы¹².

И.И. Зайцев (ИГП РАН) представил развитие философско-политического осмысления права на жизнь. Изначально (в Античность) оно распространялось на ограниченную

группу лиц — на полноправных граждан полиса, исключая не только рабов, но и женщин и детей. Детальное внимание праву на жизнь уделено в работах Т. Гоббса¹³ и Дж. Локка¹⁴. Оба автора трактуют его как неотчуждаемое естественное право человека, на которое не может посягать государство. Суверен не вправе лишить жизни гражданина или заставить его причинить вред другому человеку. Право на жизнь находится в сфере частной жизни и не выходит в публичное пространство, где его реализация могла бы зависеть от государства. В XX в. французский исследователь М. Фуко обращает внимание на влияние государства на право на жизнь. Он вводит специальный термин «биополитика»¹⁵, который означает политику государства, направленную на контроль жизни человека. В рамках биополитики государство стремится максимально продлить жизнь человека, этому, в частности, способствует развитие медицины. Тогда же формируется демография как наука управления численностью населения и появляются новые критерии оценки эффективности деятельности государства, связанные с демографическими показателями. Таким образом государство пытается вывести право на жизнь из частной сферы и взять его под свой контроль. Камерунский исследователь А. Мбембе развивает идеи М. Фуко, вводя в оборот новый термин «некрополитика»¹⁶. Если биополитика стремится к сохранению жизни человека, в том числе и «заставляя» его жить, то некрополитика предполагает право решать, кто должен умереть. Таким образом, право на жизнь претерпело существенную трансформацию. Если во время становления права на жизнь его реализация была выведена из-под власти государства, то на современном этапе наблюдается обратная тенденция — государство стремится контролировать его осуществление.

Истории становления права на личную неприкосновенность был посвящен доклад **д-ра юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)**. Оно стало закрепляться в конституционных актах в XX в., однако истоки данного права прослеживаются еще в *Habeas corpus Act* 1679 г. Образцом для развития конституционного законодательства различных стран стали положения французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., согласно ст. 4 которой никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе как в случаях, предусмотренных законом, и в предписанных им формах. В XIX в. соответствующие положения вводились в учредительные акты для обеспечения личной свободы (ст. 26 Альбертинского статута 1848 г.). В целях предотвращения незаконных арестов и иных способов ограничения свободы устанавливался максимальный срок задержания до вынесения судебного решения (ст. 3 Конституции Испании 1869 г.). В этот же период разрабатываются положения об обязательности принятия закона, превентивно и временно разрешающего приостановление действия гарантий неприкосновенности личности в случае экстраординарных ситуаций или угрозы безопасности страны.

В XX в. понятие «неприкосновенность личности» стало включать не только физический, но и психологический аспект, соответствующее право было признано на международном уровне. В настоящее время ведется дискуссия о степени совпадения понятий «неприкосновенность личности» и «личная

⁶ Serres M. Le contrat naturel. Paris, 1990.

⁷ См.: Ferry L. Le nouvel ordre écologique. L'arbre, l'animal et l'homme. Paris, 1992.

⁸ Capra F., Mattei U. The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015.

⁹ Ibid. P. 291.

¹⁰ Ibid. P. 289.

¹¹ BGB. URL: <https://buergerliches-gesetzbuch.net/paragraph-90a> (дата обращения: 29.01.2024).

¹² См.: Kühl K. Zwei Aufgaben für ein modernes Naturrecht // Das Naturrechtsdenken Heute und Morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic / hrsg. von D. Mayer-Maly von, P.M. Simmons. Berlin, 1983. Ss. 817–832.

¹³ См.: Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.

¹⁴ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. Челябинск, 2014.

¹⁵ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А.В. Дьякова. СПб., 2010.

¹⁶ Mbembe A. Necropolitics. NY, 2019.

неприкосновенность» и об особенностях реализации данного права в условиях научно-технического прогресса.

Как отметила **д-р юрид. наук, проф. М.В. Немытина (РУДН им. Патриса Лумумбы)**, в науке остается нерешенным вопрос о том, с какого момента можно говорить об институциональном оформлении прав человека в России. Очевидно, ответ на него зависит от того, в какой системе координат вести отсчет времени и какую модель обеспечения и защиты прав человека брать за основу. Так, в контексте западных либеральных ценностей (либерализм — это прежде всего свобода собственности) достаточно широко распространено мнение, что права человека утвердились в России только в 1990-е годы. В данном случае отрицается советская социалистическая модель обеспечения и защиты прав человека и гражданина, построенная на социальном равенстве, гарантированности социальных прав, единстве прав и обязанностей. Показательно, что после установления советской власти в 1917 г. аналогичным образом отрицались достижения в области обеспечения прав человека, имевшие место в Российской Империи. Но, даже учитывая ограниченный характер реализации прав человека в условиях самодержавия, нельзя не признать, что Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»¹⁷ провозгласил неприкосновенность личности, свободу совести, свободу слова, собраний и союзов. Более того, институциональное оформление прав человека в России началось даже не в начале XX в., а еще во второй половине XIX в. Судебными уставами 1864 г. был установлен принцип формального равенства — равенства всех российских подданных перед законом и судом, введены процедуры судебной защиты личности от произвола в сфере уголовного преследования. В других странах эти вопросы решались на конституционном уровне. Таким образом, реформы второй половины XIX в. во многом были конституционными по своему характеру и направлены на обеспечение и защиту прав человека. В целом традицию прав человека в российской культуре нельзя признать устоявшейся, она все время меняет векторы своего развития, что дезориентирует не только профессиональное юридическое сообщество, но и миллионы граждан страны.

Доклад **канд. юрид. наук Н.С. Малютина (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИЗИСП при Правительстве РФ)** был посвящен конституционно-судебной интерпретации права на судебную защиту. Всеобщая декларация прав человека указывает на необходимость обеспечения в национальном правовом порядке эффективного восстановления в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения основных прав, предоставленных человеку конституцией или законом (ст. 8). Развивая данные положения, Конституция РФ весьма лаконично установила достаточно емкое требование гарантировать каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46). Как показывает практика, столь краткие формулировки положений, имеющих принципиальное значение, нередко порождают вопросы при их реализации. Конституционное право на судебную защиту не является исключением, поэтому не последнюю роль в его содержательном наполнении играет Конституционный Суд РФ.

¹⁷ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд., пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 150, 151.

Традиционный подход к толкованию права на судебную защиту выражается в формировании новых содержательных составляющих этого права (право на доступ к суду, на эффективную защиту прав и др.). В то же время Конституционный Суд РФ нередко формирует позиции, имеющие при первом рассмотрении серьезный ограничительный потенциал, что актуализирует вопрос соотношения регулирования и ограничения конституционных прав. Так, в ряде своих решений Конституционный Суд РФ подчеркивал, что человек является не объектом государственной деятельности, а равноправным субъектом, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов¹⁸. При этом орган конституционной юстиции отмечал, что право на судебную защиту не предполагает возможность выбора гражданином по своему усмотрению конкретных форм и способов такой защиты, которые устанавливаются федеральным законом. Таким образом, само по себе установление законодателем определенных требований к форме обращения за судебной защитой не может рассматриваться как вторжение в существо права на судебную защиту.

Этот подход представляется особенно актуальным при оценке изменений Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹⁹, предусмотревших введение годичного срока для обращения в порядке конкретного нормоконтроля²⁰ и исчерпание всех внутригосударственных средств судебной защиты (п. 2 ст. 97)²¹. В данном контексте представляет интерес и проблема возможного злоупотребления правом на конституционно-судебную защиту со стороны заявителя. В такой ситуации существенным будет установление факта реализации этого права в установленных пределах, в том числе и сформулированных самим Конституционным Судом РФ.

Проблемы доступа российских граждан к конституционному правосудию и эффективности предоставляемой им защиты рассмотрела **канд. юрид. наук, доц. И.А. Дудко (РГУП)**. Она обратила внимание на то, что развитие конституционного правосудия в России характеризуется, с одной стороны, формализацией процесса и усложнением возможности обращения за защитой своих прав, с другой — расширением круга субъектов обращения и возможного предмета жалобы. Конституционный Суд РФ призван исправлять системные ошибки законодателя и правоприменителя. Однако это не всегда гарантирует эффективность защиты прав граждан, что подтверждают проблемы с исполнением постановлений Суда. Несмотря на серьезные шаги по формированию механизма исполнений решений

¹⁸ См., напр.: постановления Конституционного Суд РФ: от 03.05.1995 № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветьяна // СЗ РФ. 1995. № 19, ст. 1764; от 03.02.1998 № 5-П по делу о проверке конституционности ст. 180, 181, п. 3 ч. 1 ст. 187 и ст. 192 АПК РФ // СЗ РФ. 1998. № 6, ст. 784; от 02.07.1998 № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 1998. № 28, ст. 3393.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

²⁰ См.: Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 23, ст. 2922.

²¹ См.: Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 46, ст. 7196.

Конституционного Суда РФ, оно до сих пор надлежаще не обеспечено. Это связано, во-первых, с особым статусом органов, исполняющих большинство постановлений — палат Федерального Собрания, так как чаще всего в Конституционном Суде РФ оспариваются федеральные законы. Во-вторых, в процессуальных кодексах до настоящего времени не урегулированы отдельные моменты, связанные с пересмотром судебных решений после вынесения постановлений Конституционного Суда РФ. Отдельной проблемой является отсутствие регулирования выплаты компенсации гражданину — участнику конституционного судопроизводства, если право на нее определено в постановлении Конституционного Суда РФ. Наконец, исполнение решений Конституционного Суда РФ требует системного подхода, изменения не только тех норм, которые были предметом рассмотрения Суда, но и положений других нормативных актов, имеющих аналогичное содержание.

Несколько уровней позитивации прав и свобод человека и их судебной защиты выделил в своем докладе **канд. юрид. наук, доц. С.И. Князькин (РГУП)**. Наиболее высокий уровень предполагает закрепление в законе или нормативном правовом акте субъективного права и адекватных ему мер защиты. Второй уровень характеризует отсутствие нормативного закрепления мер защиты субъективного права и обязанность суда, исходя из существа субъективного права и последствий его нарушения, самостоятельно определить соответствующую меру защиты и применить ее. Третий уровень позитивации отличает наименьшая формализация, поскольку в законе или нормативном правовом акте не предусмотрены не только меры защиты, но и само субъективное право. В этом случае суд обязан установить на основе совокупности фактических обстоятельств и доказательств по делу наличие субъективного права и факта его нарушения, а также определить меру его защиты.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. О.А. Тарнавского (ООО «Газпром энергo») и канд. юрид. наук, доц. Л.В. Бормотовой (Оренбургский государственный университет)** рассматривалась проблема обеспечения прав лиц, пострадавших от преступлений в России, сквозь призму положений ст. 8 Всеобщей декларации прав человека. На основе статистических данных Генеральной прокуратуры РФ и Федеральной службы судебных приставов было установлено, что только в каждом десятом случае потерпевший может рассчитывать на защиту его прав и законных интересов в уголовной юрисдикции²² и из них только в 15% случаев потерпевший получает реальное возмещение вреда, причиненного преступлением²³. Между тем, как отмечается в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, число жертв преступлений ежегодно возрастает на 3%²⁴. При этом число жалоб на отсутствие регистрации заявлений о преступлении со стороны правоохранительных органов

возросло на 29%, на отказы в возбуждении уголовного дела — на 27%²⁵. Такая статистика свидетельствует об ограничении доступа потерпевших к правосудию, системных и систематических нарушениях ст. 52 Конституции РФ.

По мнению докладчиков, лицо должно признаваться потерпевшим с момента начала уголовного преследования, на этапе подачи заявления о возбуждении уголовного дела или сообщения о преступлении. Необходима автоматическая регистрация заявлений о преступлении в бесконтактном режиме. Взыскание ущерба, причиненного преступлением, должно стать отдельным уголовно-процессуальным институтом, а внесудебные формы восстановления прав и социализации пострадавших от преступлений — получить статус государственных программ с финансированием на основе государственно-частного партнерства.

Н.А. Тиханов (МГУ им. М.В. Ломоносова) обратил внимание на то, что меры, направленные на импортозамещение в целях обеспечения суверенитета государства в условиях внешнего санкционного давления, могут ограничивать свободу предпринимательской деятельности (как методов ее ведения, так и использования имущества). К таким мерам, в частности, относится запрет на использование иностранного программного обеспечения и техники. Информационная безопасность, включающая безопасность функционирования критической информационной инфраструктуры, представляет особую важность для обеспечения суверенитета государства. В связи с этим Указом Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166²⁶ и принятым в целях его исполнения Постановлением Правительства РФ от 22 августа 2022 г. № 1478²⁷ были установлены ограничения, связанные как с самой возможностью, так и с порядком проведения закупок иностранного программного обеспечения и техники для юридических лиц, в которых доля участия публично-правовых образований составляет более 50%. Данные меры

²⁵ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 29.01.2024).

²⁶ См.: Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 14, ст. 2242.

²⁷ См.: постановление Правительства РФ от 22.08.2022 № 1478 «Об утверждении требований к программному обеспечению, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, используемому органами государственной власти, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, Правил согласования закупок иностранного программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, в целях его использования заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также закупок услуг, необходимых для использования этого программного обеспечения на таких объектах, и Правил перехода на преимущественное использование российского программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 35, ст. 6108.

²² См.: Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2022 года. С. 7, 18, 19. URL: <http://crimestat.ru/BinaryData/OBJ1127764> (дата обращения: 29.01.2024).

²³ См.: Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов России в 2022 году. С. 6 // Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов // https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777 (дата обращения: 29.01.2024).

²⁴ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. С. 285–299 // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

затрагивают свободу предпринимательской деятельности частных инвесторов. Впоследствии Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 243-ФЗ²⁸ схожие ограничения были предусмотрены в отношении кредитных и некредитных финансовых организаций, причем без дифференциации юридических лиц по критерию публичного участия. Не отрицая конституционность целей, преследуемых установленными мерами, их необходимо рассматривать в контексте возможности их достижения посредством вводимых ограничений и запретов и их пропорциональности. При этом в ряде случаев существует риск правовой неопределенности установленного регулирования, например, в отношении сроков реализации мер, контрольно-надзорных процедур, компетенции органов государственной власти.

По мнению канд. юрид. наук А.В. Ульянова (ИНИОН РАН), формулировка ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ, включенной в ее текст в результате реформы 2020 года, позволяет утверждать, что вера в Бога признана у нас конституционной ценностью. В связи с этим позиция православия, играющего значимую роль в становлении и развитии духовной культуры России, в отношении прав человека должна стать разумной альтернативой современной (западной) трактовке юснатурализма. Эта позиция изложена в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви²⁹ и Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека³⁰. Православная теория прав человека опирается на базовое понятие достоинства человека, которое имеет нравственный смысл и восходит к проявлению образа Божия в человеческой природе. Права человека представляют собой средство, необходимое христианину, чтобы он имел возможность исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом, а также иными человеческими сообществами. Реализация прав человека не должна противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины или семьи, не может оправдывать посягательства на святыни, культурные ценности или самобытность народа, нанесение непоправимого урона природе. В случае использования прав и свобод человека в ущерб данному Богом нравственному закону такое поведение будет рассматриваться как злоупотребление правом. Православная концепция прав и свобод человека исходит из необходимости охраны традиционных ценностей. Церковь отвергает искаженное восприятие прав и свобод, влекущее за собой оправдание безусловно порочных социальных явлений, таких как аборт, самоубийства, разврат, извращения, разрушение семьи, культ грубости и насилия. Все это морально разлагает человека и приводит его к такой свободе воли, которая употребляется во зло и унижает человеческое достоинство.

И.Н. Голоскогулов (Московский юридический институт) подчеркнул, что современное общество включает в себя приверженцев различных религий, для предотвращения конфликтов необходимо развивать терпимость к разным вероучениям. В качестве позитивной практики религиозно-государственных отношений в Российской Федерации докладчик отметил создание консультативных советов при органах публичной власти.

²⁸ См.: Федеральный закон от 13.06.2023 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”» // СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4432.

²⁹ См.: Официальный сайт Московского Патриархата // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 29.01.2024).

³⁰ См.: Официальный сайт Московского патриархата // <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 02.01.2024).

Т.Н. Сергеева (Московский государственный гуманитарно-экономический университет) акцентировала внимание на ценностном аспекте в понимании прав человека и указала, что именно это может стать основой для преодоления современного кризиса во взаимоотношениях между государствами.

Вторая секция «Права человека: международные стандарты и национальные практики» была посвящена теоретическим интерпретациям прав человека и зарубежному опыту их обеспечения и защиты.

Несмотря на широкое признание коллективных прав человека в актах национального (в том числе конституционного) законодательства и положениях международного права, отметила д-р юрид. наук О.И. Баженова (МГУ им. М.В. Ломоносова), эта категория прав остается одной из наиболее спорных в доктрине прав человека. Многочисленные дискуссии вызывает прежде всего проблема обоснования коллективных прав, поскольку доктрина прав человека базируется на моральном индивидуализме. С одной стороны, ни этическая, ни политическая, ни юридическая (конституционно-правовая) теория не могут отрицать коллективные права, раскрывающие сложную природу человека, обеспечивающие защиту различных форм коллективной идентичности. С другой стороны, с моральной (шире — этико-правовой) точки зрения недопустимо признание коллективов моральными субъектами и тем самым носителями коллективных прав. Моральная автономия, на которой основывается моральный индивидуализм, связана не только с притязаниями, но и (точнее — прежде всего) с ответственностью каждого. Отсюда для доктрины прав человека принципиально важно сохранение морального индивидуализма и вытекающей из него первичной установки на признание носителем (основных, конституционных) прав исключительно индивида. В поисках выхода из создавшейся ситуации следует отстаивать не моральную субъектность коллективов, а моральную ценность отдельных коллективов как важнейших социальных субъектов. Субъектность коллектива в качестве самостоятельной ценности требует специальной конституционно-правовой защиты.

Конституционно-правовое обеспечение субъектности коллективов сталкивается с другой проблемой — чрезмерно широким объемом понятия коллективных прав. Представляется, что среди них необходимо четко различать две группы: права отдельных социальных групп (женщин, инвалидов, беженцев и пр.), основанные на совместной защите индивидуальных интересов, и права отдельных коллективов (народов, этносов, территориальных общностей и пр.), прямо связанные с их защитой в качестве самостоятельных социальных субъектов.

Для конституционно-правового обеспечения субъектности коллективов вряд ли достаточно закрепления за их членами прав пользования — в развитие сложившегося (и, к сожалению, довольно ограниченного) понимания утилитаризма — социальными, в первую очередь материальными, благами, обусловленными их коллективной принадлежностью; необходимо создать условия (гарантии) их активной деятельности. Небесспорен в этом контексте сформированный в советской государственно-правовой науке подход, основанный на признании коллективов субъектами конституционных правоотношений (прав) при осуществлении отдельных форм непосредственной демократии (прежде всего выборов, референдума). Он не только недостаточен для обоснования и укрепления их субъектности, но и становится инструментом в руках политической элиты,

используемым ею в целях своего самосохранения. Бюрократизация публичной власти в данном случае прикрывается периодическим выражением воли народом, местными сообществами и другими коллективами, признаваемыми субъектами конституционного права. Равным образом неоспорно и признание коллективов носителями статутных (конституционных) прав и использование института функционального представительства, призванного восполнить отсутствующую у коллективов способность осуществлять права и обязанности. Это не только противоречит первичной установке доктрины прав человека (человек — единственный носитель основных (конституционных) прав), но и ведет к фактическому низведению положения коллективов до «статуса» объектов правового регулирования, что нередко усугубляет проблему патернализма.

Оптимальным конституционно-правовым средством обеспечения субъектности отдельных признанных конституционным правом коллективов может стать использование категории юридического лица при условии отказа от сугубо цивилистического ее понимания и признания за ней конституционно-правовой значимости. Эта категория не создает фикции целого, но обеспечивает правовые условия для совместной (посредством действия каждого) деятельности, где через множество индивидуальных, гарантированных конституционным правом действий сохраняется и укрепляется положение коллективов в качестве социальных субъектов.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламовой (ИГП РАН)** отмечалось, что усложнение форм и способов социального взаимодействия, вовлечение в них современных технологий ведет к развитию системы прав человека и их доктринальных интерпретаций. При этом исследователи обосновывают не только формирование новых прав человека, но и появление новых субъектов прав. Таковыми, в частности, предлагается признавать некоторые «сущности нечеловеческой природы», а именно — животных, отдельные наиболее значимые для того или иного сообщества природные объекты и природу в целом, искусственный интеллект, а также все человечество и будущие поколения. Иногда эти теоретические конструкции находят воплощение в законах и даже конституционных актах. Так, Конституция Эквадора провозглашает природу субъектом конституционных прав (ч. 2 ст. 10) и содержит специальную главу (гл. 7), их закрепляющую.

Подобные теоретические построения и нормативные решения преследуют благую цель — обеспечить надлежащую защиту естественной среды обитания человека и целостность его биологической природы от угроз техногенной цивилизации, ввести использование ее достижений в строгие правовые рамки. Однако концепция прав человека представляется далеко не лучшим и в целом неадекватным для этого юридическим инструментом. Объявление различных объектов и социальных интересов (именно так следует интерпретировать «все человечество» и «будущие поколения»), действительно требующих специального внимания, субъектами прав, традиционно атрибутируемых человеку, нивелирует их отличие от человека как лица, обладающего свободой воли и активно притязающего на ее реализацию, и, таким образом, низводит и его до уровня предмета заботы со стороны государства и общества. Защита различных природных объектов, биологического разнообразия, стабильности биоты, генетической целостности человека и т.п. может быть обеспечена посредством использования уже существующих юридических механизмов, в том числе

и ограничения прав человека, осуществление которых может причинить им ущерб.

Современные подходы к пониманию системы прав человека рассмотрела **канд. юрид. наук И.А. Алешкова (ИНИОН РАН)**. В условиях интенсивного развития цифровых, геномных, нейро- и биотехнологий ученые все оживленнее обсуждают вопрос о трансформации системы прав человека. Анализ литературы и судебной практики позволяет выделить три сформировавшихся подхода. В большинстве европейских стран проблемы, возникающие при защите прав человека в связи с использованием новых технологий, разрешаются в рамках универсальных прав человека (право на физическую неприкосновенность, право на частную жизнь и др.). В КНР признается необходимость расширения системы прав человека за счет новых прав, таких как право на биологическую безопасность. При этом их развитие увязывается со стратегической концепцией культуры прав человека в Китае. В условиях включенности страны в систему международных отношений гибкость и пластичность внутригосударственного права призвана обеспечивать сохранение национальной идентичности и национальной культуры, способность противодействовать новым вызовам и угрозам с учетом стратегических задач государства. В российской и французской литературе обосновывается формирование новых поколений прав человека, в частности цифровых и биоправ. Можно предположить, что складывающиеся подходы создадут основу для диверсификации системы прав человека и, как следствие, формирования комплексных институтов и новых отраслей права.

Международно-правовые стандарты в области прав человека в контексте юридической догматики проанализировала **канд. юрид. наук С.А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Данные стандарты соотносятся с естественным правом, поэтому с формально-юридической точки зрения они кажутся несовершенными. Такой подход не учитывает характер международно-правовых стандартов как специфической формы гарантий прав человека, в связи с чем блокируется возможность их имплементации в национальный правопорядок, и они не рассматриваются как ценностно-цивилизационное обоснование права наиболее высокого уровня легитимности. Международно-правовые стандарты в области прав человека можно трактовать как одну из форм *soft law*. Их действие обусловлено высоким моральным и политическим авторитетом, они могут быть признаны ключевым средством аксиологизации юридической практики, ее развития на основе принципов взаимности и доверия между субъектами права.

В докладе **канд. юрид. наук Х.Д. Пирцхалавы (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))** рассматривался вопрос о соотношении консерватизма и инноваций в процессе регламентации прав человека в рамках региональных интеграционных объединений (ЕАЭС, ЕС, СНГ). Докладчик акцентировала внимание на необходимости модернизации правового регулирования с учетом развития новейших технологий, правильного понимания и квалификации внедряемых инноваций.

В.В. Пчелинцева (МГИМО МИД России) проанализировала соотношение универсальной и региональных систем защиты прав человека. Региональное международное сотрудничество государств в сфере защиты и поощрения прав человека, полагает она, направлено на формирование специальных принципов и норм международного права. В частности, международные договоры государств — членов Организации исламского сотрудничества (ОИС) закрепляют нормы *lex specialis*, содержание которых не совпадает

с положениями универсальных договоров в сфере защиты прав человека. Государства — члены ОИС содействуют кодификации и прогрессивному развитию регионального обычая в данной сфере посредством принятия актов рекомендательного характера, а также односторонних актов. При рассмотрении позиций государств — членов ОИС по вопросам защиты и поощрения прав человека необходимо учитывать, что в этих странах принципы ислама относятся к основам государственного и общественного строя и *de facto* признается верховенство шариата над нормами и принципами международного права.

В докладе канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет) отмечалась неоднозначность, сложность и многоаспектность обосновываемого в доктрине права на конституционную модернизацию, непосредственно не предусмотренного в текстах учредительных актов. Вместе с тем, по мнению докладчика, положения о правилах пересмотра учредительных актов, обеспечивающие возможность дальнейшего конституционного развития, выступают гарантией реализации данного права. Особое внимание было уделено гражданам как субъектам права на конституционную модернизацию, необходимости расширения их участия граждан в процессах обсуждения перспектив конституционного развития государства.

Проблемы обеспечения равноправия в государствах — членах ЕС проанализировала д-р юрид. наук, доц. Т.А. Васильева (ИГП РАН). Она отметила, что, несмотря на серьезные усилия европейских структур в области борьбы с дискриминацией³¹ и наличие во всех странах антидискриминационного законодательства, с 2008 г. в ЕС блокируется принятие общей Директивы о равенстве в обращении независимо от религии и убеждений, ограниченности возможностей, возраста и сексуальной ориентации³². Согласно опросам, проведенным в 2020 г. в странах ЕС, только в 4% случаев жертвы дискриминации обращаются в специализированные органы по борьбе с ней, представители социально уязвимых групп мало информированы об их деятельности (71% опрошенных ничего не знают о таких органах). 15% респондентов заявили, что в течение года, предшествующего опросу, они являлись жертвами возрастной дискриминации; 16% опрошенных-евреев и 17% мусульман подвергались дискриминации в сфере занятости; 25% респондентов из числа иммигрантов и представителей этнических меньшинств испытывали неравенство в обращении в повседневной жизни³³. Все это свидетельствует о том, что даже самое качественное законодательство не гарантирует достижение желаемых целей, необходимо признание на государственном

уровне наличия дискриминации и отношение к неравенству в обращении как к серьезной и системной проблеме, требующей комплексных решений.

В докладе канд. юрид. наук, доц. С.В. Масленниковой (НИУ ВШЭ) подчеркивалось, что исследование коллективных прав такого субъекта конституционного права, как народ актуализировалось после принятия поправок к Конституции РФ 2020 года. Признание коллективных прав — традиция и определенная ценность советской науки. Кроме того, современная геополитическая ситуация предопределяет необходимость защиты коллективных прав народа в случае их нарушения международными и межгосударственными институтами, гражданами и организациями, находящимися за пределами национальной юрисдикции. Под коллективными правами народа целесообразно понимать права, которые реализуются только в коллективной форме, нарушение которых причиняет вред (умалчивает интересы) не отдельному индивидууму, а всей социальной группе. Защите от внешнего нарушения подлежат также права народа, как его достоинство, которое должно в настоящее время рассматриваться не только как индивидуальная, но и как коллективная свобода. Защищать необходимо также право народов на национальное достоинство и духовно-культурные ценности (природные ресурсы, золотой запас, произведения искусства), которые образуют основу жизнедеятельности населения, пользующегося соответствующими благами на данной территории и обязанного передать их будущим поколениям. Актуальным является и выделение такого права народа, как право на стабильное состояние государственного и общественного устройства, защиту его от посягательства со стороны внешних институтов и организаций. Во всех случаях внутригосударственным средством защиты прав народа выступает народный суверенитет как присущая источнику власти свобода самостоятельно определять свое общественное и государственное развитие на территории своего государства.

А.А. Данц (МГУ им. М.В. Ломоносова) рассмотрела конституционно-правовые средства защиты прав национальных меньшинств. Она отметила, что в конституциях практически всех государств так или иначе закреплены принцип равенства и запрет дискриминации по расовому или национальному признаку. Между тем на практике они бывают задействованы лишь в отдельных наиболее вопиющих случаях их нарушения, тогда как реальная защита прав национальных меньшинств требует специального детального правового регулирования и не всегда им предоставляется. Зачастую реальная защита прав лиц, принадлежащих к какой-либо этнической группе, зависит от официального наделения ее статусом национального меньшинства. Далеко не каждое фактическое национальное меньшинство в государстве получает такой статус, а вместе с ним и особое положение, учитывающее специфику его истории и культуры. В качестве национальных меньшинств *de jure* могут признаваться народы, как издавна проживающие на территории данного государства, так и не являющиеся автохтонными, но исторически каким-либо образом оказавшиеся в пределах государственных границ. Этническим группам, которым предоставлен статус национальных меньшинств, могут обеспечиваться такие конституционно-правовые средства защиты, как представительство в органах государственной власти, в частности, путем квотирования, создание института уполномоченного по делам национальных меньшинств (и/или коренных народов). При правовом регулировании положения национальных меньшинств государство должно избегать дискриминации, предоставляя статус национального меньшинства одним этническим группам и отказывая в этом другим, и одновременно не признавать данный

³¹ Более 20 лет действуют Директива Совета ЕС 2000/43/ЕС от 29.06.2000 г., обеспечивающая реализацию принципа равного обращения со всеми лицами независимо от их расовой принадлежности и этнического происхождения (Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment of persons irrespective of racial and ethnic origin // OJ. L 180. Vol. 43. 19 July 2000. Pp. 22–26) и Директива Совета ЕС 2000/78/ЕС от 27.11.2000 г., устанавливающая общие рамки равного обращения в сфере труда и занятости (Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // OJ. L 303. Vol. 43. 2 December 2000. Pp. 16–22). Раз в пять лет Европейская комиссия представляет отчет Европейскому парламенту и Совету об их выполнении.

³² Принятие Директивы готовы поддержать 14 государств, хотя требуется единогласие (см.: Council of the EU. Proposal for a Council Directive on implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of religion or belief, disability, age or sexual orientation — information for the Presidency on responses to its questionnaire. Brussels, 4 November 2020. ST-12467/20).

³³ См.: Equality in the EU20 Years on from the Initial Implementation of the Equality Directives. Vienna, 2021. Pp. 6, 8, 9, 14.

статус за всеми этническими группами, проживающими на территории страны, во избежание угрозы подрыва единства государства.

Влияние международно-правовых норм о правах человека на правовые системы Скандинавских стран проанализировала **канд. юрид. наук, доц. И.А. Ракитская (МГИМО МИД России)**. В течение долгого времени международно-правовые договоры о правах человека, участниками которых становились страны Северной Европы, не оказывали заметного влияния на конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина. В то же время государственные органы североευропейских стран (прежде всего верховные суды Норвегии и Швеции, юридический уполномоченный Эдускунты в Финляндии) учитывали положения данных документов при вынесении решений и формулировании позиций по тем или иным вопросам. Ситуация в странах региона начала меняться с 1990-х годов после инкорпорации Конвенции о защите прав человека и основных свобод³⁴ в их внутреннее право. В 1995 г. Конституция Исландии была дополнена статьями, закрепившими каталог конституционных прав. В 1999 г. был принят Закон об усилении роли норм о правах и свободах в норвежском законодательстве³⁵, придавший юридическую силу национальных законов некоторым международным актам о правах человека. В 1999 г. в Финляндии была принята новая Конституция, которая разрабатывалась с учетом международно-правовых стандартов в области прав человека. В 2014 г. в Норвегии учредительный акт был дополнен главой E, закрепившей более широкий каталог основных прав и провозгласившей обязанность государственных органов уважать и гарантировать права и свободы человека, закрепленные в Конституции и международных актах (ст. 92).

Особое место в правовых системах странах Северной Европы занимает Европейская конвенция о правах человека, на которую национальные суды ссылаются чаще, чем на другие международные акты. В 2010 г. в Швеции на конституционном уровне было признано, что в стране не может быть принят закон или иной акт, противоречащий обязательствам Швеции по Конвенции (§ 19 гл. 2 Акта о форме правления).

Правовому положению мигрантов в Испании был посвящен доклад **канд. юрид. наук, доц. Н.И. Платоновой (МГИМО МИД России)**. В Испании в 2023 г. 6,08 млн жителей являлись иностранными гражданами³⁶. Страна занимает лидирующие позиции в Европе по уровню трудовой миграции. Правительство вынуждено искать новые механизмы борьбы с нелегальной миграцией, способы интеграции иностранных граждан в испанское общество, обеспечения их прав и свобод. В последние годы были расширены гарантии реализации прав иностранных граждан. Сегодня они обладают теми же правами и свободами, что и граждане Испании, за исключением избирательных прав, однако в полном объеме этими правами могут воспользоваться только зарегистрированные лица. Трудоустроенные иностранные граждане, за которых работодатель уплачивает

страховые взносы, имеют право на получение бесплатной медицинской помощи. Несовершеннолетние лица и беременные женщины вне зависимости от их гражданства и оснований въезда в Испанию также получают медицинскую помощь на безвозмездной основе.

В процессе предоставления иностранцам вида на жительство и разрешения на трудоустройство учитывается ситуация с занятостью в Испании. Соответствующие показатели определяются ежеквартально посредством анализа рынка труда в стране в целом и в отдельных автономных сообществах, на их основе формируется каталог требуемых профессий. При отсутствии специалистов на внутреннем рынке «кадровый дефицит» покрывается за счет иностранных специалистов, процедура привлечения которых была упрощена в 2022 г.

Защита социально-экономических прав в ЮАР была предметом внимания **канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН)**. В соответствии с Конституцией государство принимает разумные законодательные и иные меры для обеспечения постепенной реализации социально-экономических прав (ст. 26, 27). Однако в силу различных факторов (ограниченность бюджетных средств, некомпетентность, коррупция) органы публичной власти часто оказываются не способны выполнять в полном объеме свои социальные обязательства³⁷, в том числе обеспечивать исполнение судебных решений. Конституционный суд ЮАР указал, что судебные органы обязаны, если это необходимо, разрабатывать инновационные средства для защиты прав, гарантированных Конституцией³⁸. В судебной практике сложились определенные подходы к устранению последствий нарушения социально-экономических прав. В частности, стали использоваться такие методы, как переговоры и предоставление отчета суду. В последнее время Конституционный суд стал также назначать соответствующие органы или экспертов для надзора за исполнением судебных решений в случае бездействия органов исполнительной власти и для защиты прав уязвимых групп³⁹.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. В.И. Чехариной (ИГП РАН)** поднималась проблема защиты репродуктивных прав женщин. После Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире в 1994 г.⁴⁰ сексуальное и репродуктивное здоровье и соответствующие права были признаны в качестве ключевых элементов международной повестки⁴¹. Новый подход к рассмотрению нарушений репродуктивных прав в контексте принципов равенства

³⁷ См.: *Henrico R. Judicial Review in South Africa and India: Advancing Constitutionalism or Undue Activism?* // *Obiter*. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 797.

³⁸ См.: *South African Constitutional Court. Fose v Minister of Safety and Security. Case CCT 14/96. Judgment of 5 June 1997. ZACC6. Para. 69.*

³⁹ См.: *South African Constitutional Court. Black Sash Trust v Minister of Social Development and Others (Freedom Under Law Intervening). Case CCT 48/17. Judgment of 27 September 2018. ZACC36; Mwelase and Others v. Director-General for the Department of Rural Development and Land Reform and Another. Case CCT 232/18. Judgment of 20 August 2019. ZACC30.*

⁴⁰ См.: *Report of the International Conference on Population and Development Cairo, 5–13 September 1994. URL: https://daccess-ods.un.org/tmp/4315233.82663727.html (дата обращения: 29.01.2024).*

⁴¹ См.: *Bevilacqua G., Beatriz M. Why Addressing Unsafe Abortion is Central to the Post-2015 UN Development Agenda (November 20, 2012). URL: https://ssrn.com/abstract=2484243; http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2484243 (дата обращения: 29.01.2024); Women's access to safe abortion in the 2030 Agenda for Sustainable Development: Advancing maternal health, gender equality, and reproductive rights. Ipas. URL: https://www.ipas.org/resource/womens-access-to-safe-abortion-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-advancing-maternal-health-gender-equality-and-reproductive-rights/ (дата обращения: 29.01.2024).*

³⁴ См.: *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 005) // Council of Europe. Treaty Office. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=005 (дата обращения: 29.01.2024).*

³⁵ См.: *Lov om styrking av menneskettighetens stilling i norsk rett av 21. mai 1999 nr 30 // LOVDATA. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1999-05-21-30 (дата обращения: 29.01.2024).*

³⁶ См.: *Spanish-born and foreign population residing in Spain from 2006 to 2023. URL: https://www.statista.com/statistics/445638/population-of-spain-by-nationality/ (дата обращения: 29.01.2024).*

и недискриминации прослеживается в решениях Комитета по правам человека, но наиболее четко он проявляется в практике Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁴². В деле *L.C. v. Peru*⁴³ данный Комитет не только обязал государство гарантировать реальный (а не теоретический) доступ к легальным абортам, но и потребовал внести поправки в национальное законодательство с тем, чтобы позволить женщинам делать аборт в случаях изнасилования.

Несмотря на наличие сформировавшихся международных подходов, практика государств различается довольно существенно. Так, в 41 стране, входящей в Совет Европы, разрешены аборты не только по состоянию здоровья, но и по соображениям благополучия, но по крайней мере семь государств проводят ограничительную политику, в том числе Мальта и Андорра запрещают аборты при любых обстоятельствах, а Польша — в случаях деформации плода⁴⁴.

В рамках третьей секции «Права человека в информационном обществе» рассматривались вопросы цифровизации бизнеса, органов публичной власти, а также защиты персональных данных.

Проблеме защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства был посвящен доклад канд. юрид. наук Н. И. Соловьяненко (ИГП РАН). Цифровизация — инструмент, который способствует повышению эффективности экономической деятельности и одновременно предъявляет повышенные требования к участникам экономических отношений. Сегодня первостепенное значение придается их цифровым навыкам — технологическим и информационно-аналитическим, отсутствие которых может приводить к принятию ошибочных решений и небезопасному цифровому взаимодействию. В связи с этим остро стоит вопрос о цифровом разрыве (*англ.* digital divide) или цифровом неравенстве. В частности, в отношении с крупными поставщиками технологий в невыгодном положении оказывается малый и средний бизнес, представителям которого сложно оценить контрактные условия ввиду их перегруженности технологической терминологией. Цифровое неравенство значительно усиливает риски нарушения конфиденциальности и безопасности операций в сфере бизнеса. Цифровое неравенство проявляется и при урегулировании споров сторон. Для его минимизации при использовании механизма онлайн-разрешения споров должен быть исключен сугубо технократический подход и необходима полная реализация принципов справедливого судебного разбирательства.

И. А. Шелудченко (МГУ им. М. В. Ломоносова) подчеркнула, что право на неприкосновенность частной жизни сегодня включает в себя и защиту персональных данных, что предполагает гарантирование их субъектам совокупности прав, связанных с обработкой данных. Ядро прав субъектов персональных данных образует право на защиту

персональных данных, которое, однако, на законодательном уровне непосредственно гарантировано не во всех правовых порядках. Вместе с тем практически везде субъекты персональных данных наделены рядом прав, которые можно признать универсальными; к ним относится право на доступ к персональным данным, их изменение, уничтожение и др. Одновременно в некоторых юрисдикциях за субъектами данных могут признаваться и другие права, например связанные с продажей персональных данных. Защиту прав субъектов персональных данных осуществляют государственные органы посредством правового регулирования соответствующих отношений, реализации контрольных и надзорных функций в области обработки и защиты персональных данных.

В отношении персональных данных, отметила д-р юрид. наук Э. В. Талапина (ИГП РАН), законодательно установлен режим конфиденциальности. Согласно ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴⁵ операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом. Однако из общего режима предусматривается немало исключений. Например, изъятия допускает Жилищный кодекс РФ, наделяя правом обработки персональных данных управляющие организации и правления товарищества собственников жилья, жилищного или жилищно-строительного кооператива. Законность обработки персональных данных жильцов этими субъектами неоднозначно толкуется судами, что в итоге влечет различия в предоставлении защиты данным. В качестве правильного ориентира можно привести Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. № 100-О⁴⁶, в котором подчеркивалась обязанность управляющей организации получить у собственников и нанимателей жилых помещений согласие на обработку персональных данных, в том числе на их передачу третьим лицам, без которого она не сможет полноценно осуществлять деятельность по управлению многоквартирным домом.

В ближайшем будущем защита персональных данных еще более осложнится в связи с расширением применения цифровых технологий, в частности алгоритмов искусственного интеллекта, в процессе принятия индивидуальных решений (например, при оказании государственных услуг). В настоящее время граждане законодательно защищены от принятия решений исключительно алгоритмическим путем (ст. 16 Федерального закона «О персональных данных»), но алгоритмы уже могут использоваться на определенных этапах принятия решений. Возможность дискриминации, непонятность принятия решения, особенно в случае с использованием т.н. самообучаемых алгоритмов, требуют четкого нормативного реагирования, в частности необходимо предусмотреть контроль над разработкой алгоритмов, порядок обжалования решений, принимаемых на основе алгоритмов.

Правовому регулированию доступа населения к информации о деятельности муниципальных властей был посвящен доклад канд. юрид. наук, доц. А. И. Черкасова

⁴² См.: Human Rights Committee. *L.M.R. v. Argentina*. Views of April 28, 2011. UN Doc. CCPR/C/101/D/1608/2007 (см. также: *Śekowska-Kozłowska K. A Tough Job: Recognizing Access to Abortion as a Matter of Equality. A commentary on the Views of the UN Human Rights Committee in the Cases of Mellet v. Ireland and Whelan v. Ireland // Reproductive Health Matters*. 2018. Vol. 26. No. 54. Pp. 25–31).

⁴³ См.: Committee on the Elimination of Discrimination against Women. *L.C. v. Peru*. Views of October 17, 2011, UN Doc. CEDAW/C/50/D/22/2009.

⁴⁴ См. подр.: *Kapelańska-Pregowska J. The Scales of the European Court of Human Rights: Abortion Restriction in Poland, the European Consensus, and the State's Margin of Appreciation // Health and Human Rights Journal*. 2021. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 218, 219.

⁴⁵ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

⁴⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 100-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шалбина Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 7 Федерального закона «О персональных данных» (абз. 5 п. 2 мотивировочной части) // СПС «КонсультантПлюс».

(ИГП РАН). Ключевым элементом здесь является обеспечение возможности получения гражданами такой информации на постоянной основе в режиме онлайн. В данном отношении показателем эстонский Закон о публичной информации 2000 г.,⁴⁷ который относит к важнейшим принципам предоставления информации обеспечение доступа к ней максимально быстрым и удобным для всех способом (§ 4(2)) на бесплатной основе (§ 4(4)). Один из наиболее современных и детализированных законов — хорватский Закон о праве на доступ к информации 2013 г.⁴⁸ Законы о доступе к публичной информации, принятые в конце 1990 — начале 2000 гг., обычно гораздо более лаконичны и не всегда уделяют специальное внимание размещению информации в сети Интернет. В чешском Законе 106/1999 «О свободном доступе к информации»⁴⁹ лишь установлено, что предоставляемая информация должна быть доступна во всех форматах и на всех языках, на которых она была создана. Если такая информация была опубликована в электронной форме, она также раскрывается в формате, спецификация которого находится в свободном доступе и ее использование не ограничено (ст. 4(2)).

Вместе с тем информирование населения само по себе еще не дает ему возможность влиять на принятие управленческих решений. Опыт европейских государств свидетельствует о том, что для эффективного функционирования цифровой демократии нужен профессиональный менеджмент и продуманное ведение цифровых платформ, иначе гражданское участие может превратиться в плохо контролируруемую какофонию идей. Органы публичной власти должны придерживаться стратегии, ориентированной на потребности и реальные возможности граждан. Необходимо также активно задействовать иные инструменты местной прямой и партисипативной демократии — референдумы, консультации с гражданами и т.п.

Модель «цифрового горожанина» рассмотрела канд. юрид. наук **Е.В. Задорожная (Московский международный университет)**. Сегодня массивы данных о жителях города собираются цифровыми платформами, провайдером интернет-доступа и интернет-сервисами. На основе анализа информации, получаемой из официальных источников, можно выявлять, чем город привлекает конкретного жителя, что ему нравится и что неудобно в городской инфраструктуре. Необходимо также обращаться и к иным профилям гражданина в цифровой среде. Искусственный интеллект, используемый в этих целях, может стать высокотехнологичным помощником в трансформации городской среды применительно к потребностям жителей при условии соблюдения их прав и законных интересов.

В выступлении канд. юрид. наук, доц. **А.Е. Тарасовой** был обозначен потенциал Всеобщей декларации прав человека для развития цифровых прав.

⁴⁷ См.: Public Information Act 2000 (with amendments) // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/514112013001/consolide> (дата обращения: 04.01.2024).

⁴⁸ См.: Act on the Right of Access to Information, 2013 // ec.europa.eu. URL: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2018-18/hr_fai_and_re-use_law_consolidated-eng_B0E70ED2-FFE7-C349-3A6B7860DF5E6BE5_52029.pdf (дата обращения: 04.01.2024).

⁴⁹ См.: Act 106/1999 “On Free Access to Information” // MVCR. cz. URL: <https://www.mvcr.cz/soubor/act-on-free-access-to-information-1999-pdf.aspx> (дата обращения: 04.01.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. Челябинск, 2014.
3. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А.В. Дьякова. СПб., 2010.
4. Bevilacqua G., Beatriz M. Why Addressing Unsafe Abortion is Central to the Post-2015 UN Development Agenda (November 20, 2012). URL: <https://ssrn.com/abstract=2484243>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2484243> (дата обращения: 29.01.2024).
5. Capra F., Mattei U. The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015. Pp. 289, 291.
6. Ferry L. Le nouvel ordre écologique. L'arbre, l'animal et l'homme. Paris, 1992.
7. Henrico R. Judicial Review in South Africa and India: Advancing Constitutionalism or Undue Activism? // Obiter. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 797.
8. Kapelańska-Pregowska J. The Scales of the European Court of Human Rights: Abortion Restriction in Poland, the European Consensus, and the State's Margin of Appreciation // Health and Human Rights Journal. 2021. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 218, 219.
9. Kühl K. Zwei Aufgaben für ein modernes Naturrecht // Das Naturrechtsdenken Heute und Morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic / hrsg. von D. Mayer-Maly von, P.M. Simmons. Berlin, 1983. Ss. 817–832.
10. Mbembe A. Necropolitics. NY, 2019.
11. Sękowska-Kozłowska K. A Tough Job: Recognizing Access to Abortion as a Matter of Equality. A commentary on the Views of the UN Human Rights Committee in the Cases of Mellet v. Ireland and Whelan v. Ireland // Reproductive Health Matters. 2018. Vol. 26. No. 54. Pp. 25–31.
12. Serres M. Le contrat naturel. Paris, 1990.
13. Women's access to safe abortion in the 2030 Agenda for Sustainable Development: Advancing maternal health, gender equality, and reproductive rights. Ipas. URL: <https://www.ipas.org/resource/womens-access-to-safe-abortion-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-advancing-maternal-health-gender-equality-and-reproductive-rights/> (дата обращения: 29.01.2024).

REFERENCES

1. Hobbes T. Leviathan. M., 2001 (in Russ.).
2. Locke J. Two treatises on government / transl. from English by E.S. Lagutin, Yu.V. Semenov. Chelyabinsk, 2014 (in Russ.).
3. Foucault M. The birth of biopolitics. A course of lectures delivered at the College de France in the 1978–1979 academic year / transl. from French by A.V. Dyakov. SPb., 2010 (in Russ.).
4. Bevilacqua G., Beatriz M. Why Addressing Unsafe Abortion is Central to the Post-2015 UN Development Agenda (November 20, 2012). URL: <https://ssrn.com/abstract=2484243>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2484243> (accessed: 29.01.2024).
5. Capra F., Mattei U. The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015. Pp. 289, 291.
6. Ferry L. Le nouvel ordre écologique. L'arbre, l'animal et l'homme. Paris, 1992.
7. Henrico R. Judicial Review in South Africa and India: Advancing Constitutionalism or Undue Activism? // Obiter. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 797.
8. Kapelańska-Pregowska J. The Scales of the European Court of Human Rights: Abortion Restriction in Poland, the European

- Consensus, and the State's Margin of Appreciation // *Health and Human Rights Journal*. 2021. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 218, 219.
9. *Kühl K.* Zwei Aufgaben für ein modernes Naturrecht // *Das Naturrechtsdenken Heute und Morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic* / hrsg. von D. Mayer-Maly von, P.M. Simmons. Berlin, 1983. Ss. 817–832.
10. *Mbembe A.* *Necropolitics*. NY, 2019.
11. *Sekowska-Kozłowska K.* A Tough Job: Recognizing Access to Abortion as a Matter of Equality. A commentary on the Views of the UN Human Rights Committee in the Cases of *Mellet v. Ireland* and *Whelan v. Ireland* // *Reproductive Health Matters*. 2018. Vol. 26. No. 54. Pp. 25–31.
12. *Serres M.* *Le contrat naturel*. Paris, 1990.
13. Women's access to safe abortion in the 2030 Agenda for Sustainable Development: Advancing maternal health, gender equality, and reproductive rights. Ipas. URL: <https://www.ipas.org/resource/womens-access-to-safe-abortion-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-advancing-maternal-health-gender-equality-and-reproductive-rights/> (accessed: 29.01.2024).

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia